

Всероссийский конкурс - Автопортреты 1979, 15 дек

К персональной выставке заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Гульфайрус Исмаиловой

ЧЕРЕЗ ОЧАРОВАНИЕ МИРОМ ДОБРА

За заслуги в области изобразительного искусства Президиум Верховного Совета Казахской ССР наградил Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР тов. Исмаилову Гульфайрус Мансуровну — художника, заслуженного деятеля искусств Казахской ССР.

В ЧЕЛОВЕКЕ все должно быть красивым... Строгая, по-своему безжалостная, а вместе с тем совершенно справедливая мысль. Художник, как творческая личность, беспощаден к себе, а картины, созданные им, излучают свет и цвет доброты.

Такими мне видятся автопортреты Гульфайрус Исмаиловой. О ней возле ее произведений говорят: «Наша Гуля».

И это выражение нежности к мастеру проникновенной, неизменно взволнованной души и смелого, взыскательного таланта, который через годы несет всем любителям живописи ни с чем не сравнимое тепло эстетической радости.

Есть такое расхожее присловие: «Улыбнулась судьба». Гульфайрус она улыбнулась с такой щедрой расточительностью, что не словом о

том говорить хочется, а песней.

Все, написанное ею, все, к чему прикоснулась ее трепетная, но и не менее властная кисть, это она сама, в своей непосредственности, в добром, без зернинки тщеславия осознании своей женской красоты, матери и поэта по видению мира. А он у Гульфайрус Мансуровны богат на все то, что именуют совершенством прекрасно.

Я стою у «Портрета студентки». Одухотворенное тонкое лицо, положение рук, их рисунок, легкость линий фигуры, выражение или

бездонное содержание взгляда прекрасных, как бы очарованных чем-то глаз, все — возвышенный порыв мечты.

А лирическая насыщенность живых натюрмортов?! Их прозрачно-буйная камерность. В звуке — это тембр, рожденный виолончельной сдержанной страстью. Древний просвет, именно просвет, в глубь чеканки, и чаша с бело-голубым, по-настоящему манящим к себе кумысом, а может, шубатом. Выражение плоти и содержания того, от каких материнских истоков мы живы. Даже в малых вроде бы формах, в гирлянде цветов сирени, в узоре ковра, вытканно-

го божественными трудовыми, как бы отлитыми в бронзе, руками старушки — байбиче, восседающей царственно рядом с предметом своего творения.

Как много значит то, как мастер отзывается о своих наставниках, учителях. У Гульфайрус это чем-то напоминает исповедь дочери перед отцом. Она рассказывает об Абраме Марковиче Черкасском, Леониде Павловиче Леонтьеве, о профессоре Ленинградского института имени И. Е. Репина Михаиле Бобышеве с почтительной серьезностью удивления перед ними, счастья, что ей довелось на каком-то отрезке своего пути

пройти возле них. У портрета Абылхана Кастеева мне увиделась Гуля в проекции — восемнадцатилетней девушкой. Той из знаменитого фильма Марка Донского и оператора Сергея Урусова «Алитет уходит в горы». И это было похоже на поэзию, когда она явилась, поразила воображение и отлетела куда-то в будущее, может, в сегодня, когда Гульфайрус Мансуровна, с присущей непосредственностью, а то и следами женского лукавства, накануне своего персонального вернисажа призналась озорно: «Опять, как всю жизнь, не успела сделать манжкюр» — и спрятала ру-

ки свои трудовые, которыми она пишет, заставляя их парить, руки своих героинь, достойных ласково прикасаться к святыням прекрасного.

Она служит вдохновенно и строго искусству кино и театра. В музыке умеет различать цвета, и с преданностью истинного художника любит жизнь с ее дыханием, светом и цветом. Через очарование миром добра взирает мастер на то, во что верит, что создает его не легкий, но и радостный труд живописца. И это тоже мир, но уже открытый ею — Гульфайрус Исмаиловой.

Василий
БЕРНАДСКИЙ.